

Кому выгодно тиражирование нетерпимости?

Элина ЧЕПКИНА, доцент факультета журналистики Уральского государственного университета

Среди множества проблем, возникающих в связи с реализацией принципов толерантности и мультикультурализма, на одном из первых мест, на мой взгляд, находится проблема освещения вопросов религии и церкви. Дело в том, что любая религиозная организация по определению не толерантна, поскольку она претендует на обладание абсолютной истиной и заинтересована в увеличении количества своих сторонников. Поэтому течения, связанные с разными видами религиозного фундаментализма, как правило, в принципе отрицают толерантность, и в нашей прессе эти моменты тоже отражаются. Например, проблемы аборта или контрацепции. Религиозная точка зрения на эти вопросы однозначно негативна и не допускает никаких иных взглядов. Но одно дело - моральная постановка проблемы, и совсем другое - если мы посмотрим с политической точки зрения на то, что, скажем, православная церковь пытается взять на себя контроль за сферой воспроизводства населения, призывая к запрету аборт. У церкви возникают претензии к некоторым явлениям культуры (скажем, известный случай, когда официальная православная церковь резко высказалась против демонстрации по телевидению фильма "Последнее искушение Христа") или к школьному образованию, в частности, по вопросу о сексуальном просвещении. Разумеется, церковь имеет право на свое мнение по любому поводу. Однако когда это мнение тиражируется массовой прессой в качестве единственно верного, возникают непростые вопросы о месте и роли церкви в современной России.

У меня вызывают тревогу многочисленные публикации, в которых высказывается точка зрения, согласно которой, если православие является традиционной религией для России, то, следовательно, этническая принадлежность человека не оставляет ему никакого религиозного выбора. Если ты русский, если ты россиянин, то ты должен быть православным. Это, на мой взгляд, интолерантная позиция, отрицание свободы выбора человека в религиозной сфере. Или другой момент. В местной прессе (впрочем, и в федеральной тоже) заметно дискриминационное отношение к так называемым нетрадиционным религиям. И мало кто думает о том, что даже сам термин "нетрадиционные религии" формирует определенное, чаще всего отрицательное отношение к соответствующим религиозным группам. Более того, проводятся целые кампании против религиозных групп, не связанных с традиционно существующими в России религиями. Причем ругают их чаще всего за то, за что хвалят так называемые традиционные религии: за стремление расширить круг своих приверженцев, за строгое следование религиозным обрядам, и т.д.

Например, в одной из газет в Свердловской области появляется статья о том, что все боги Олимпа были очень безнравственными, Зевс и некоторые другие были гомосексуалистами. Тут за что идет борьба? Вряд ли в сегодняшней России реально существуют люди, молящиеся античным богам. Я думаю, что здесь просто конструируется образ врага в связи с утверждением ценностей именно православной религии.

На одном из семинаров для журналистов городских и районных газет Уральского региона я задавала вопрос по поводу того, как надо освещать вопросы религии в прессе. Многие журналисты высказывались за корректное отношение к различным религиям. Но были и другие мнения. Чаще всего это была бытовая, на мой взгляд, фобия к нетрадиционным религиям, то, что во многих случаях сейчас открыто формулируется в прессе. Например, в анкете писали так: "Следует резко отрицательно

оценивать нетрадиционные религии, а если и освещать их деятельность, то только указывая на их вред. Следует писать ярко, агрессивно, отрицательно, следует писать негативно, поскольку, по словам священнослужителей, принципы этих религий полностью противоречат христианским канонам". То есть у журналистов сохраняется представление о неравноправии традиционной и нетрадиционной религии. И довольно часто встречается точка зрения, что российские СМИ должны поддерживать главным образом православную церковь. Понятно, что православная церковь долго находилась в ситуации замалчивания, гонений, и сегодня, когда есть интерес к теме православия и есть возрождение активной церковной жизни, справедливо и оправданно, что журналисты об этом пишут. Но все-таки, наверное, лучше это делать без указаний на недостойность каких-то других религиозных верований.

Другая болезненная проблема - интолерантность в ее националистическом облике. Национализм, как мы его рассматриваем, - это разновидность политического дискурса, то есть это способ говорить о социальных проблемах. Причем это такой способ о них говорить, когда все политические, социальные, нравственные, культурные проблемы переводятся на язык национальной или расовой вражды. Есть проблемы в экономике - виноваты представители этнических групп, которые приехали сюда из республик бывшего СССР и отнимают нашу работу. Есть проблемы в социальной сфере - виноваты те же этнически чужие, приехавшие издалека или давно живущие рядом, но мы считаем их своими врагами (кавказцы, таджики, цыгане). Эти смыслы в текстах СМИ проявляются не столь явно, как в случае с религиозной тематикой. Мало кто из журналистов открыто признается, что он относится враждебно к представителям другого этноса. Говорят: "Я не против представителей другого этноса, я за то, чтобы преступности в стране не было". То есть решение проблем одного плана пытаются описывать на языке каких-то других проблем. Одна из самых ярких иллюстраций - это присутствие в прессе "кавказофобии". Выходцы с Кавказа упоминаются в СМИ с негативной оценкой по самым разным поводам. Особенно часто этническая принадлежность человека, если он не русский, фиксируется в материалах на криминальные темы. Скажем, "Московский комсомолец" в уголовной хронике подчеркивает: "Банда приезжих потрошила москвичей при помощи узбекских ножей" (это заголовок). В тексте сообщается, что действовала интернациональная банда, там были украинцы, представители других бывших советских республик, приехавшие в Москву. Они "потрошили москвичей", и особый акцент делается на узбекских ножах как знаке "чужого", "не нашего". То есть совершенно явно вводится оппозиция: мы, москвичи, являемся жертвами приезжих, эти чужие люди - преступники, которые портят нашу жизнь. В местной прессе я вижу то же самое.

Я думаю, что мы воспроизводим таким образом стереотипное представление о том, что в наших бедах повинны всегда не мы сами, а чужие люди. И распространяем такие взгляды через прессу: мы сами очень хорошие, мы невинные жертвы людей другой этнической принадлежности.

Характерный пример этнической нетерпимости - текст, опубликованный в газете "Парма-новости" (г. Кудымкар). Это письмо читателя о том, как он летом побывал в Украине и как его смешила украинская речь в американских боевиках, и как ему не нравилось, что в новостях речь российских политиков переводят на украинский, а не дают в эфире на русском. Здесь мы видим проявление двойной морали: когда какой-нибудь африканец говорит на русском, это прекрасно. Когда вместо русского начинают говорить на украинском, это плохо. Презрение к этнически чужому подчеркивается на уровне лексики: "Они по-своему гутарят", "хохляцкий язык". В этом же тексте иронически рассказана еще одна история: женщина переехала из Украины в Кудымкар, обратилась за детскими пособиями и написала заявление на украинском языке. И как она посмела! По-моему, этот текст демонстрирует шовинизм в самом открытом варианте, особенно когда высмеивается женщина, которая посмела на украинском в

Кудымкаре что-то писать. Может быть, и был такой казус, но он здесь логически подстраивается в строку к тому, что автора возмущает украинский язык в самой Украине. Это презрение к украинцам просто потому, что они украинцы и говорят на другом языке.

Обратите еще внимание на заголовок обсуждаемого текста: "Союз нерушимый республик голодных". Что нам хочет заголовком сказать автор? Я думаю, что здесь для привлечения внимания используется модная тема, которая не имеет отношения к содержанию публикации. Это во многом типичный для региональной прессы катастрофизм: все плохо, все разрушено, все стало не так хорошо, как было раньше. Во-вторых, я думаю, что сказывается общая стилистика издания. Я смотрела подробно подшивку этой газеты, потому что мы проводили семинар для работающих в ней журналистов. Они придерживаются стиля ерничества, иронии и стеба по поводу самых разных тем. Стил, который принят сегодня многими российскими изданиями. Я, с одной стороны, приветствую иронию в прессе, потому что она оживляет язык, и это лучше, чем сухая канцелярская писанина в районках советского времени. Но ответственность возникает двойная и тройная, если вы используете иронию. А в данном случае мы видим бестактность в крайнем выражении, когда осмеивается человек всего лишь за его этническую принадлежность и за его язык.

Следующий текст - "Юкку-Калле рейд (в гостях у бедных родственников)" - выдержан точно в том же стиле: редактор одной эстонской газеты приехал в Кудымкар, встретился с журналистами, и газета, цитируя его слова, язвительно копирует балтийский акцент.

Получается, что нам приятно посмеяться над тем, что он говорит не так, как мы. Причем посмотрите: еще подчеркивается, что коми-пермяки - бедные родственники эстонцев. Возникает образ автора, испытывающего комплекс бедного родственника и не любящего этого эстонца. За что? Просто за то, что эстонцы живут лучше? Потом говорится, что мы, местные журналисты, "с удовольствием катаемся туда на форумы", то есть нам туда ездить нравится, а они нам здесь не нужны. В этом тексте тоже удивляются, что даже русские в Эстонии должны говорить по-эстонски. Если ты приезжаешь во Францию, то ты, естественно, должен говорить по-французски, в Англии - по-английски. Мы согласны, что это нормально. А вот если ты приехал в Эстонию, то с тобой должны говорить по-русски.

Я думаю, что это наше имперское мышление, мы все еще хотим думать, что в бывших советских республиках все наше. Или оно так недавно было нашим, что нас раздражает, когда теперь нужно говорить на их языке в их стране. Такие настроения, безусловно, существуют. Удивительно, что они тиражируются на страницах прессы. О социальной ответственности журналистики тут говорить не приходится. Если газета публикует такие вещи, она распространяет этническую неприязнь, сеет рознь.

Многие издания сейчас пишут о скинхедах. Если ставить цель рассказать, кто такие скинхеды, возникает вопрос, в какой тональности это делать. Уместно ли здесь безоценочное транслирование их взглядов? Например, в газете "Досье "Пермских новостей" рассказано о том, кто такие скинхеды: это молодежное движение, у них своеобразная внешность, свои музыкальные пристрастия, свои издания, они являются футбольными болельщиками. И ни слова - об идеологии этого движения. Журналистка берет интервью у лидера и тем самым дает трибуну его идеологии. Он говорит: "Мы причисляем себя к правому лагерю, к тем политическим движениям, для которых основой является семья, родина и народ". Кто из нас скажет, что семья, родина и народ - это плохо? Когда мы имеем дело с идеологией, дело обстоит очень сложно, потому что такие понятия, как семья, родина и народ, окрашены положительной оценкой, где бы мы их ни употребляли. И поэтому подобные слова используют представители любой

идеологии. И когда вы читателям даете возможность познакомиться со скинхедами как с "пацанами, которые за семью, за родину и за народ", вы ступаете на очень опасную дорожку.

Газета - это массовое издание, ее читают разные люди, и когда мы тиражируем высказывания, что представители других этносов - "захватчики нашей родины", что этнически другие "оскорбляют наш эстетический вкус и позорят Россию в глазах прогрессивного мирового общества", что "таджики, цыгане торгуют наркотиками, евреи воруют девушек и продают их в публичные дома Азии, Южной Америки, Израиля, азербайджанцы торгуют некачественными продуктами питания и бодяжными спиртными напитками, от которых умирают тысячи русских людей", то читатель вполне может сказать: "Я часть великого русского народа, как мне после этого не поддержать скинхедов?" Там сказано: "Простой русский обыватель может не беспокоиться". Я как простой русский обыватель читаю и говорю: мне ничего не грозит, а с названными безобразиями пусть скинхеды борются... Тем более что журналист свою позицию по поводу сказанного четко не выразила.

Толерантность ведь не означает закрыть глаза и сказать, что все хорошо. Мы же не в вакууме обсуждаем проблемы толерантности. Степень озлобленности в обществе очень высока. Поэтому подобные публикации подогревает агрессивность и ненависть в людях, которые не разбираются в политике. Не потому что они глупые, а потому что далеко не каждый из нас политолог и человек, понимающий особенности идеологической борьбы в обществе. Проблемы есть, это все знают. Но этот скинхед говорит, что их решение - в борьбе с этнически чужими, он говорит о социальных проблемах на языке национализма. Я считаю, журналисты не должны подогревать эту ненависть и помогать направлять социальное недовольство на "чужих". Мне кажется, что мы должны таким движениям противостоять в идеологическом плане. Ведь признание того, что существуют представители других культур и других идеологий, предполагает, что мы знаем, что мы терпимо к этому относимся, если они не ограничивают прав других. Скинхедов в тюрьму не сажают, если они не совершают уголовных преступлений. Просто за то, что ты интересуешься культурой скинхедов, и просто за то, что ты побрил себе голову, я никогда не призову к каким-то репрессиям или к какой-то борьбе вроде "давайте запретим так подстригаться". Для меня толерантность не предполагает поддерживания групп, которые внутренне не толерантны. То есть я не считаю возможным одобрять фашистов, одобрять националистов, потому что "у них такая культура". Нет, я имею право не одобрять, и я имею право высказывать свою точку зрения так же, как высказывают ее они. Есть ведь мирные формы борьбы в тех случаях, когда мы не согласны с другой культурой и другой идеологией. Это, во-первых, непредоставление трибуны в массовой прессе, во-вторых, высказывание своих взглядов, которые не совпадают с этими взглядами. Что касается фашистских движений, в законодательстве большинства стран предусмотрен запрет фашистской пропаганды в обществе. Я думаю, что публикация такого интервью - форма пропаганды расизма, и мы с этим мириться не можем.

Умение говорить на языке толерантности - это умение говорить с уважением к Другому. Это не значит молчать, это не значит не спорить. Пусть спорить, но, например, в плане этнической толерантности, спорить так, чтобы было ясно, что я спорю с тобой не потому, что я русская, а ты азербайджанец, а потому что мы по-разному смотрим на какой-то предмет. Когда мы говорим, что не должно быть негативно окрашенных этнических определений в контексте некоторых разговоров, то мы не призываем к тому, чтобы вся наша речь перестала быть эмоциональной, мы не призываем к тому, чтобы говорить безоценочно. Но есть больные темы, скажем, когда идет информация об этнической принадлежности упоминаемых людей только в уголовной хронике: "у нас в городе таджики торгуют наркотиками". А что еще таджики в нашем регионе делают, никто никогда не сообщает в прессе. В таких ситуациях можно говорить о

нетолерантности и призывать к тому, чтобы этническая принадлежность в таких материалах не указывалась. Положительным сигналом о языке толерантности, именно с точки зрения языка, является внимание журналиста к социолектам - языкам разных социальных групп. Всегда журналистика брала яркие слова, яркие выражения у своего героя, если хотелось показать этого героя получше. Если мы эту установку будем проводить более последовательно, на мой взгляд, это даст более широкое представление о тех мнениях, которые существуют в обществе, о том языке, на котором люди говорят. Все-таки "как" и "что" очень связаны. И язык человека, скажем, нашей советской эпохи - это не язык молодого человека, сформировавшегося уже в последние десять-пятнадцать лет. Если и тот, и другой язык будут звучать в газете, мы лучше увидим разные миры, разные способы говорить об общих проблемах. Есть, конечно, сложности передачи в журналистском тексте индивидуальной речи. Когда мы берем яркие выражения, типичные для узкой социальной группы, возникает вопрос их перевода для массового читателя. Хорошо бы рядом дать общепонятный эквивалент, а то у нас, например, тексты в некоторых молодежных музыкальных изданиях превращаются просто в абракадабру для непосвященного. Это тексты только для узкого круга, который владеет соответствующей терминологией. Это, так сказать, семантическая интолерантность.

Отсюда язык нетолерантности, если коротко формулировать, проявляется в присутствии в текстах этнических и гендерных определений персонажей. Я не призываю перестать упоминать национальности или обсуждать связь половой принадлежности человека в связи с его, скажем, профессиональными занятиями. Нежелательна тематизация этих отличий в тех контекстах, где они дают негативную характеристику в целом этнической или гендерной группе. Скажем, выражение "женская логика". Когда я говорю: "Вы со мной не согласны, потому что у вас логика женская", - это обидно. Хотя никто не призывает вычеркивать фразеологизм "женская логика" из языка.

Еще одна проблема, связанная с поиском языка толерантности. Мы все знаем, что, с одной стороны, можно выразить мысль совершенно безупречно с точки зрения этикета, не употребив никаких, так сказать, непарламентских выражений, и при этом задеть человека и оскорбить. С другой стороны, когда работает команда, и это творческая команда хорошо относящихся друг к другу людей, то в общении могут использоваться выражения очень разного эмоционального накала, и может быть выяснение отношений на повышенных тонах, но никто не чувствует себя оскорбленным. Получается, все-таки смысл отношений оказывается важнее во многих случаях, чем выбор слов. Наверное, лучше не мыслить бинарно и черно-бело в том отношении, что или форма важна, или смысл. Нам нужно и на то, и на другое смотреть внимательно. Насколько толерантно мы выстраиваем наш текст, даже если в нем нет слов и выражений, которые традиционно воспринимаются как обидные? Я говорю о проблеме формирования толерантной позиции журналиста на уровне смысла текста, его логической структуры. Особенно применительно к полемике. Неважно, по какому поводу мы спорим и с кем именно мы спорим, толерантность позиции, на мой взгляд, требует соблюдения некоторых важных установок. Например, на диалог с другим как с равноправным субъектом. Если мы представляем, что истина единственна, и считаем, что мы обладаем этой истиной, то тот, с кем мы спорим, автоматически попадет в позицию неравноправного субъекта. Он предстает человеком, отпавшим от истины: если он с нами не согласен, значит, он не прав. Эта установка на то, что человек равноправен в споре со мной, даже если он придерживается другой точки зрения, очень тяжело достигается. У нас есть привычные мыслительные ходы, которые легко приходят на ум в поисках аргументов в споре. Вот некоторые из них. Мы воспринимаем Другого в нашем споре как неравноправного собеседника, когда видим в нем лишь объект воздействия: "я субъект, обладающий истиной, я могу тебя научить - я тебе сейчас объясню, чтобы ты понял или чтобы ты просто знал, что ты не прав". Нам очень легко и

удобно объяснять себе неравноправие, неправоту Другого, если разделять, например, себя и оппонента по критерию противопоставления нормы и болезни. Мы все хорошо знаем логику такой аргументации по журналистским материалам в последний период нахождения Б.Н. Ельцина у власти, когда болезнью президента объяснялись очень многие негативные явления в политике и ситуации в стране. Говорили: это так, потому что президент болен. При таком подходе равноправная дискуссия кончается: здоровые правы, больные - нет. Второе противопоставление, делающее Другого неравноправным, - это противопоставление нормы и безумия, когда тот, кто с нами не согласен, объявляется сумасшедшим, психически ненормальным. В попытках осмысления того, что с нами происходило в двадцатом веке, есть такой расхожий способ объяснения террора и многого другого: Сталин был параноиком, и его нездоровье породило уродливые явления общественной жизни. Так до сих пор в иных журналистских материалах объясняются события, которые тогда происходили, и тем самым равноправный диалог, скажем, с приверженцами политики Сталина становится невозможен. Еще одно противопоставление, которое также можно легко отыскать в нашей прессе, - это противопоставление естественного и противоестественного. Мы утверждаем свою правоту, потому что мы естественные и нормальные люди, а тот, кто с нами не согласен, представляет некую противоестественную точку зрения. Газета "Завтра" еще до событий 2001 года на НТВ опубликовала статью о том, что на этом канале работают исключительно люди нетрадиционной сексуальной ориентации, и поэтому их голубой экран транслирует вредные для нормальных людей передачи. И таким образом объясняются содержательные и формальные особенности программ НТВ. Это не единственный случай, такая логика распространена и при обсуждении проблем шоу-бизнеса, например. Еще один способ объективирования и критики оппонента - обращение к психологии, психоанализу. И журналисты не чужды того, чтобы читать психоаналитически в сердцах тех, кто не разделяет их собственные взгляды. Например, очень частый аргумент против феминизма: якобы все феминистки - закомплексованные женщины, у них личная жизнь не удалась, и они ненавидят мужчин. И из-за своих бессознательных комплексов они выдвигают какие-то смешные требования по поводу прав женщин. Наконец, еще одна очень мощная и научно у нас в течение долгого времени подкреплявшаяся система аргументации - марксистская теория общества и идеологии. Марксисты говорят, что человек поддерживает определенную идеологию, выражает свою позицию именно так оттого, что он представитель определенного класса. И независимо от его личных качеств, если он принадлежит к классу капиталистов, он будет защищать интересы буржуазии. На одном из митингов протеста в Екатеринбурге был лозунг "Все начальники - сволочи". Тут очень ярко выразилась эта позиция: если ты начальник, то ты уже изначально плохой человек и с тобой разговаривать не о чем. Сегодня этот ход рассуждений в СМИ встречается нередко, особенно в определенной части прессы. Эти ходы нам привычны, удобны, и мы все склонны иногда облегчать свою собственную задачу в споре, представляя нашего противника больным, закомплексованным, классово ограниченным человеком. Еще одна логика изначально негативной оценки Другого, несогласного с нами, основана на отношении к нему как к равноправному субъекту, исполненному злого умысла. Газета "Завтра" очень любит такой подход, когда оппонент демонизируется, объявляется носителем метафизического злого начала. Там периодически отыскивают Антихриста среди современных политиков. Или, например, в прошлом году у них была публикация о том, что к Новому году в Москве понастроили мечетей и синагог изо льда, и это пытались сделать на погибель православной вере. И в этом есть злой умысел власти. Общим во всех этих подходах оказывается то, что мы лишаем Другого, нашего оппонента в споре, права на истину. Если мы обладаем истиной, то его можно не слушать, его точку зрения можно не обсуждать. В этом я вижу нетолерантность позиции журналиста во многих современных текстах.

Еще один момент, который мне кажется важным для выработки толерантной позиции: не абсолютизировать Другого. У нас иногда, когда мы начинаем говорить об уважении к

Другому, самым важным становится, что он не такой, как мы, у нас возникает стремление абсолютизировать различие. Часто говорят, что этнические группы чаще всего только в этнографическом плане представлены в наших средствах массовой информации: возникает впечатление, что представители этнических групп только и делают, что наряжаются в национальные костюмы, поют национальные песни и обмениваются рецептами национальной кухни. Такой образ, конечно, разительно отличается от образа обычного россиянина. А может быть, у нас как жителей России больше общего, чем разного? Я думаю, это важно: если мы говорим, скажем, об исламе, то надо увидеть, что это не что-то единое и неизменное. И не выстраивать застывший образ мусульманина, всегда один и тот же.

От привычных мыслительных ходов бывает очень трудно избавиться. Ведь мы все дети этого черно-белого бинарного мышления, мы так воспитаны, вся культура и образование так построены. Трудно думать иначе, но если мы все-таки попробуем, то дальше у нас может появиться возможность слушать более внимательно и слышать нашего собеседника, искать более весомых аргументов в споре, возражать, оставаясь толерантными. Возражать по сути дела. Когда мы сейчас обозначаем проблемы, хочется обозначить и направление поиска решения. Мне кажется, что нам надо учиться методам ведения конструктивного диалога - та же теория ведения переговоров хорошо разработана. Надо учиться методам действия в ситуациях конфликта - конфликтологам есть что на этот счет сказать. Мы можем посмотреть, как приложить эти теории к каким-то конкретным приемам построения текстов. Потому что, что бы мы ни обсуждали, все равно в итоге мы строим текст, все равно это будут слова с каким-то смыслом. И я думаю, нам нужен разговор о том, как это делать более грамотно в плане толерантности.